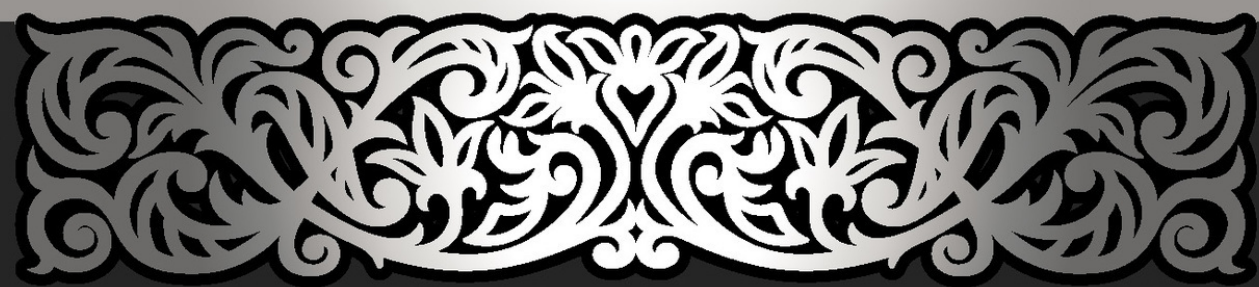

ВАДИМ ШАРЫГИН

СЕРЕБРЯНЫЙ ПОЭТ

Вадим Шарыгин
Серебряный поэт

«ИП Астапов»

2018

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос-Рус) 6

Шарыгин В. Ю.

Серебряный поэт / В. Ю. Шарыгин — «ИП Астапов», 2018

ISBN 978-5-907051-28-7

Согласится прочитавший эту книгу с высокой самооценкой автора, определяющего им созданное как поэзию на уровне лучших поэтов Серебряного века или категорически не согласится, а возможно, согласится, но лишь отчасти? Это не суть важно, важно другое – данная книга стихов и раздумий современного поэта неизбежно и неизгладимо напомнит о Серебряном веке русской поэзии, наполнит сердца читателей надеждой на возрождение поэзии, как таковой, особенно в наши смутные времена повального оскудения нравов, упадка вкуса и стиля. Поэт игнорирует злободневность, не потворствует «простоте, хуже воровства», не пытается стать «своим парнем» для всех и каждого, но, при всём при этом, не экономит на чувствах, просто-напросто, священнодействует в храме Поэзии, полагаясь на дар слова, на выстраданный опыт постижения тайн искусства Слова, на художественный вымысел и обузданное здравым смыслом воображение. Поэт вверяет себя и своё творчество божественному провидению, братски доверяется каждому уцелевшему ценителю, каждому гражданину поэзии.

УДК 821.161.1

ББК 84 (2Рос-Рус) 6

ISBN 978-5-907051-28-7

© Шарыгин В. Ю., 2018

© ИП Астапов, 2018

Содержание

Часть I	6
Здравствуйте, звёзды!	6
Любите поэзию	7
Первый поэт России	8
Дорогие мои	10
Отрывки из дневника	12
Обряд	18
Отголоски	20
Огласка тайны	23
Скоропись духа	26
Ключ Иппокрены	29
Втуне	32
Парад-алле	34
Навеяно Винсентом	36
Et cetera	39
Цикл «Фата-Моргана»	41
Старик и море	45
Три сестры	48
На даче	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Вадим Шарыгин Серебряный поэт

Инне моей

*Мысли на страницах, ветер на стене.
Тишина на лицах, свет дрожит в окне.
Глаз твоих улыбка,
Божья благодать.
Я хочу с тобою вечность коротать!*

© Вадим Шарыгин, 2018

* * *

Часть I Путь в поэзию

Здравствуйтесь, звёзды!

Представляю себе своих, затерявшихся в снегах времени, читателей. Где-то они там, посреди заснеженного есенинского поля навывает, навевает колыбельную песню чёрный ветер. Прижался к земле лунный свет. Одиноко безмолвие. Безмолвно одиночество. Ни души. Никого, кроме Бога. Чёрный бархат пространства усыпан блёсками старинных звёзд. Опустошённость, населившая мир, похожа на щемящую пустоту перрона сразу после ухода поезда. Ночь над Россией. Мёртвая тишина. Затихли рельсы, опали руки, одеревенели ноги, увлажнился взгляд. Чуть слышен колокол. Талантливая поэзия свершает своё молчание. Молчит она. Молчат её. Студёный холодок предчувствия в раскалённом сердце. По правую руку – потемневшим серебром осыпается лес. По левую – то выются ввысь, то кланяются крышам берёзовые дымки печей. Жизнь ещё теплится: в посиневших окошках, в постаревших сердцах... Вера в лучшее подобна улыбке у постели умирающего... Мои стихи неразличимы для неимущих в поэзии, как слёзы в дождь, неразлучимы с Серебряным веком, неразлучны – со всем, что навек утрачено. Я – на перроне, а поезд времени умчал почти всех моих современников, моих друзей, моих дам и господ, товарищей по оружию, моих серебряных поэтов, мою Россию, моё восхитительное детство, мою так и не прожитую жизнь – умчал в невозвратимую даль. Сиротливая старомодная Родина отрешённо покачивает, как обезумевшая мать мёртвого ребёнка, тусклый свет полуночных фонарей. Темнота затаилась в подворотнях, растворилась в серебряном отливе спящих полей. Ночь – сестра милосердия для расстрелянной сомнениями души, остов мечтаний и остров отдохновения – мой врангелевский Крым. А струйки, стелющиеся над седыми крышами дымов, как последнее видение уходящей в вечное безмолвие русской эскадры: под колышание фуражек, под трепет афиши Художественного театра, под взмахи платочков, под звучные прикосновения к воздуху фортепьянных пальцев – под ныв скрипок, под хрип сходней – из-под Чёрного моря, из-за серых бортов, сквозь стоны чеховской чайки... Эра посредственностей в разгаре. До рассвета ещё далеко, уже далеко... До расцвета поэзии, как до луны. До неба – рукою подать. Прощай, кромешность! Здравствуй, светлая ночь! Здравствуйтесь, звёзды!

Любите поэзию

Весенних дум ристалище.
Разбились капли первые дождя на мостовой.
Притихли ученические скрипочки синиц и клавиш
Осталось: одна-две – руке над чёрно-белую рекой – всплеск
плавный кистевой...
Вдруг, вдохом полногрудым, опьяняющим – пространство
славишь!

Пристало внять: шум проливной и закипающая оторопь ветвей,
окон:
Скользнувший омуль в омут стёкол, и высотный взгляд на вещи.
Назревший колокол напропалую прозвонил вдоль переулочка, о
ком?
Душа досматривала жизнь, должно быть, сон, должно быть,
вещий.

Обмякшую любимую прижать к груди, всё крепче, крепче, чтобы
ожила —
Вот так поэзию прижмите, так любите, не иначе!
В шёлк шумный обернуть её и обернуться вдаль успеть, такие,
брат, дела...
А дождь раздухарился в палисадниках, зашёлся в плаче.

Надёжное пристанище
Стихающим стихам – апрель вечерний, дождевой,
Свершилось омовение... Не то чтобы надежда, просто
Прекрасен воздух, путь к рассвету, новый день натянут
долгожданной тетивой,
Лохматый пёс, скрестивши лапы, обглодал пространства остов.

Первый поэт России

*Стройно и трогательно догорают свечи наших надежд.
Свеча поэзии у окна судьбы. В кромешной темноте времени и пространства.*

Оставленная, но не забытая навсегда!

Преданная поэзии жизни.

Преданная обывателями со стихиками.

Падающая высота чарующего очи пламени, в котором – больше света пути, чем тепла батареи отопления.

Да будут «первые» в массовой среде «последними»!

Последними из тех, кто знает и помнит...

«И жерновов навешали на шею». Марина Цветаева

Как не пробиться солнечному свету
Сквозь гущу лбов, так не пробиться мне,
Настигнутому полночью поэту,
Сквозь толщу глаз,

Сгорать свечой в окне.

Гудит весной широкая подмога,
Грядёт тепло,
Душа окаймлена
Огарком талым...

Прорва тьмы! Немного
Серебряная вспомнится луна.

Свет обречён?
Тень тьмы неодолима!
Лишь тонкий дым над воском
Вдоль стекла.

Сжигает ночь – сегодня свет Вадима,
Вчера – Марины,
Светом истекла

Свеча Сергея...
Пыль веков на койке.
Белеют хлопья снежного сырца.
И волосатым солнышком наколки
Освещены замёрзшие сердца.

Как не пробиться первому поэту
Сквозь твердь тумана, пустошь густоты,
Так и свече не осветить планету,

Не освятить уставшие мечты.

Быть первым – кто поднимет эту ношу!
Все строки – на вес крови,
Жизнь влача,

Изорван в клочья, выстужен, изношен...
Согнувшись в три погибели, свеча

Мерцает, будто кромка топорища,
Бесстрашно и безудержно одна.

Чуть слышен снег,
Зовёт позёмка, ищет
Свечу – в рассветной пропасти окна.

Дорогие мои

Всем моим, почти существующим современникам, посвящается...

Дорогие мои,
Те, кто рядом и вместе со мной;
Незнакомцы мои,
В этот миг, день за днём,
И пропавшие в дымке навеки!
Снежный падает дождь,
Ночь над миром стеною сплошной.
Вспоминаются мне,
Поминаются – все
Дорогие мои человеки!

Тишина на лице,
И дождинки в глазах не видны.
Постарела минута, другая,
И кануло в вечную память оконце.
Угасают глаза, предрассветные люди бледны.
На краю темноты, взявшись за руки, ждут
Карандашное детское солнце.

Вы в трущобах судёб,
Вы: в распахнутой сказке в лесу,
У ростральных колонн, у расстрельной стены,
Вами жизнь и бедна, и богата.
Вам навстречу забытый рассвет вознесу!
На руках возношу над усопшим двором
Нашу стихшую песню, ребята...

Только шелест имён,
Всех не п р о и з н е с т и!
И дождинки летят, и года.
И замедлены взглядом остывшим минуты.
Поседевшее эхо доносит «прости».
Долговязых домов мне погасшим мерещится
Свет или след, почему-то.

Под ногами – Россия, пуста и проста.
И утрачена так...
И утра не дожидаться когда-нибудь...
Ночь эту – ветром, весной доскажите!
Раскалённая грусть обжигает уста.
Не серчайте, что слишком далёк от обглоданных чувств
Ваш поэт-небожитель!

Дорогие мои,
На исходе слова,
Что ж, взглядимся – друг в друга,
В огромную жизнь и в укромную даль переулка!
Чёрно-белые клетки. Шагнула с «е2»
Королевская белая пешка,
Не мешкая, эхо откликнулось гулко...

Отрывки из дневника

Куда-то запропастилось чувство времени, счастье времени...

Или лучше так сказать: возникло ощущение «стоящего» времени и утраты времени «стоящего». Заросла трын-травой память людей: о Серебряном веке русского искусства, о профессиональных романтиках, о славных улыбках и ласковой стойкости самоотверженных спутников поэзии, тех, цветаевских: «не пишущих, но чувствующих». Забрехала тонкая полоска света на дальних подступах к моей бодрствующей душе...

*Уже не ночь.
Ещё не утро.*

*Догорают последние звёзды на предрассветном русском небе.
Улички пустых на гармонию городов, пустых на гармоники деревень –
пустыни.
Над сонными, брошенными в прошлое лугами реет призрачный туман.
Медленные, медные, еле угадываемые тени всамделишных облаков
сотворяют иллюзию перемен.*

Мои неказистые, извлечённые из мутной воды времени, изменённые до неузнаваемости соплеменники досматривают титры случайных сновидений. Первые пробудившиеся к жизни птицы развешивают робкие трели на распластанных в пространстве ветвях. Осторожные голоски мелькают посреди мачтовых сосен, промеж охнувших ветви в зазеркалье реки ив.

Могучие извивы задумчивых дубов проступают из темноты. На листве застывших в хоро- водном кружении берёз блестит унылым жемчугом давешний дождь. Заспанная тишина поста- ревшего мира доносится из седой темноты – мешаниной звуков: тяжкой поступью бетонных кварталов, вспененных прибоем оставленных навсегда берегов, укротным шелестом упрятан- ных от современности палисадников, беспощадным листопадом осенних чувств, благородным шёпотом нищенствующих усадеб. У судеб, поданных на съедение новому, Третьему календар- ному тысячелетию, проявились: привкус ржавчины, приступы инфантильности, предчувствие безмозглого конца безалаберного пути бесчисленных ошалело-безликих, агрессивно-бездар- ных людей.

Светопреставление утренней ночи продолжается: разгорается, разрастается, напоённое моим, так сладко не вернувшимся из детства воображением, сдобренное полуулыбкой, напи- танное сосновым ароматом, насыщенное великим гулом канувшего в прорву желаний века. Россыпи росы и любимых стихотворений, и мимолётных видений. Вот и всё, что осталось. Вот и осталось всё!

*Васильковые копыя – люпины
Украшают бесстрастный пейзаж.
До последнего вздоха любимы —
Блики! Должное взблескам воздашь:*

*Безмятежным, безропотным даже,
Когда вечность чурается глаз,
Захлебнувшись в немом эпатаже,
Выставляя покой напоказ...*

В моём сознании, погружённым в сокровенное, омытым кровью века, в моём воображении, обогащённом поиском прекрасного – жизнь воплощается в Слово, и уже слово являет жизнь иную, высшую или даже несоизмеримую по сравнению с той, которую привычно знают органы чувств.

И дальше, эта высшая, потаённая, не доступная просто хорошим людям жизнь – эта родина самоотверженной души – этот бездонный колодец с тонущими звёздами – уводит, укутывает, укачивает, усугубляет и утончает мироощущение, устилает розами и шипами путь в поэзию и, наконец, обретает божественную неопределённость, зыбкость миража, правдоподобие или мудрую недосказанность, святую нерукотворность или промолвленную несказанность.

Тот, кто хотя бы однажды перебирал, перелистывал, увлечённо обихаживал пожелтевшие страницы давнишней, поколениями до дыр зачитанной изрядно потрёпанной книги, наверняка заполнил возникающее и не отпускающее, априори трепетное чувство высокого преклонения перед ней, какое-то торжественное предстояние перед разверзшейся пропастью тайн и приключений, открытий и откровений.

Примерно так же предстаёт во всей своей вековой значительности и необъятности путь в поэзию – виднеется в разрывах облаков тропка на страшной высоте падения, вплотную к кромке скал – под ногой осыпаются камни, над головой осыпаются звёзды. До неба рукой подать, до земли шаг ступить, земля совсем рядом – на расстоянии стремительного срыва...

На расстоянии спасительного срыва —
Заветное, знакомое, земное.
Скала камнями насильно говорлива,
И небо устремилось вниз, за мною...

В путь, небожитель, шаг, другой, ступая
По кромке жизни, вровень с высотой,
Ты победил! Строка молчит скупая
О том, что я, наверно, всё же стбю

Усилий ваших: склёванное мясо
Моей словесной плоти – накормило
Кого-то оно и опоясал
Закат искусства, землю, и горнило

Страстей – вскипало небо, бушевала
Долина, ливни кланялись, шумели...
А помнишь: яхта, тень замёрзшего штурвала
И лепестки растоптанных камелий?

Просторным одиночеством дышала
Теснина скал, вдруг вспомнилось некстати:
Касался занавеской ветер шалый
Десятки лет нетронутой кровати;

На расстоянии любви – теряет капли
Обмякший сад, обвыкся с тишиною...

Напрасно всё – и жизнь в стихах, не так ли?
Искусно напридуманная мною.

Чарующее слово, самовитое слово, словом, слово, овладевающее сознанием каким-то неизъяснимым волшебным образом, обладающие тайной достоверностью и диковинной ясностью, беспамятное, но осмысленное, с «омысливанием» звуков, с превращением звуков в зовы, – вот поэзия!

И что-то плакало во мне, и что-то ликовало!
Мне было смутное не трудно развенчать:
И тишины сургучная печать,
И обозримой прелести подлунных скирд навалом...

Свеча дозором обходила темноту, пылала,
Поклон отвесила порыву ветерка.
Пруда вестимого неизгладимое зеркало.
И мысль грядущая удушливо горька...

Первостатейная луна и уйма всяких всячин:
Обрывки детства, снов останки, ор стремнин;
Казался сад, из мрака проступающий, висячим.
Касался веток ветер, тишиною устраним...

За вечера с воздушной позолотой мошек выпью
И разобью на счастье вдребезги бокал!
В ту ночь в чашобу чародейства увлекал —
Кто-то неназванный – луг гулко оглашался выпью...

Путь в поэзию... Это путь к поэту, это путь поэта, это путь, который невозможно пройти, минуя мироустройство или мировосприятие большого или подлинного поэта...

Ночь, тем временем, любовно уступает место рассвету, открывает дорогу новому дню. Вновь и заново оживает фиалками и фокстротом Париж и Берлин двадцатых годов, вот они, смотрите, реют заоблачными шпилями за моим московским окном. Сумрачный свет лежит на безымянной могиле Гумилёва, простуженный гудок паровоза оглашает далёкую окраину моей памяти, ветром относит к кромке родины не вернувшихся из детства журавлей. Шум времени Манделштама нарастает, накатывает душной грозой на дрыхнувшие души обывателей, разбившись о бетонные стены жилых коробок, отступает в небытие сознания. Среди ледяных торосов застыла белёсая инеем яхта, в оснеженном кресле на палубе восседает Ахматова, нежно или снежно прислушиваясь к вечной мерзлоте человеческой судьбы, всматривается в незатейливое будущее как бы России... Молчание насмерть сомкнутых губ простирается на тысячи вёрст. Кристаллы слёз искрятся холодным солнцем. Сдавленная льдами яхта дрейфует в сторону благословенного, вечного покоя... Любовь земная и звёздная наконец-то обрела «своего летописца» – Цветаева отрешённо сидит за накрытым на шестерых столом, в свете осенних сумерек тяжело багровеет вино в бокалах, нет никого, кто бы мог по-братски разделить с нею скорбную трапезу и оглушительное молчание, и горловое оцепенение. Мои в кровь разбитые удары сердца в дверь её участи не могут пробить глухую толщу времени и пространства, так и осел в бессилии на пороге залитой сургучом заката комнаты... есенинская страна негодяев, продрав зенки, свернув челюсти в позёвках, надраив пастой зубастые рты, а то и накропав

очередные бравые слюнявые стишки-частушки, уже готова вывалиться из прямоугольников жилья на плацдармы площадей, в коридоры мышления и горловины улиц, но, что-то замешкалась сегодня, невольно одаривая мою душу – подарошными секундами блаженной тишины, давая возможность спрятаться птенцам и жар-птицам, видениям и видениям, мороку и морёке под сенью бунинских аллей, предоставляя мизерный счастливый шанс улетучиться безмолвным звукам, беспмятному бормотанию поэтов, безудержному камланию поэзии... Маяковский триумфально стоит на отнятой у него Триумфальной площади, не зная куда направить каменный взгляд, везде натываясь глазами на страшный сон своих, канувших в Лету, предчувствий. пастернаковский ливень передумал случиться, решив остаться в укромьях строк, на размытых страничках не отправленных писем. Изглоданный голодом и тоской Блок умирает на моих руках, мучительно, от болей и от горечи, будто предсказывая, словно оглашая страшными стонами – наше убогое «теперь», вот это самое нынешнее повальное неуважение, незнание, изгнание поэзии. В гордом одиночестве начинается этот каждый божий день. Тени скукожились, укорачиваясь, прилипли к предметам, к телам. Поэты – сошли в сырые ямы и остались распротёртыми: на всю ширину неба, на все три аршина матери, мачехи-Родины.

За накрытым столом тишина гробовая,
На нетронутой трапезе – тени веков.
В этой комнате ежесекундно бывая,
Тишину уместая в старинный альков,

Я до крови молчу! Дождь и солнце немое —
Потолка просто нет, небо там потолком.
Шум, щемяще шумящее море намое
Гул всеильный, с которым насильно знаком.

Нервный хохот разложен, и слёзы разлиты
По бездонным бокалам. Как лики грустны
У вольготно смежающей скорбность элиты...
На овальной поверхности валом весны!

Молодые. В расцвете. В улыбках, как дети.
Подают голоса. Падают. В снах близки.
Остывает строка об убитом кадете
На тарелке, отставленной к краю тоски.

За накрытым столом, в тишине разговора,
Свет ликует на траверзе темы морской.
Таёт век и таит вечный холод, и скоро
Опустеет счастливый застольный покой...

Путь в поэзию – это, по факту, путь для очень немногих, для единиц из миллионов! Не идущие вовсе – лучше идущих со стишками к стишкам! Миллионы бездарных слов не всеильнее – одного дара слова! Путь в поэзию – это билет в один конец, это узкоколейка, проложенная, проломленная в вечной мерзлоте людской чёрствости и косности – десятком заключённых с окровавленными руками, обмороженными лёгкими – обречённых на дар слова поэтов первой величины, да сотней-другой ценителей-хранителей творчества этих поэтов. Путь в поэзию – «среди равнины голой» – «находя глазами потолочные крюки»...

День входит в свои права. Июльское солнце весело бежит за громыающим по степи поездом, за отстающим от поезда жеребёнком, за позабывшим жеребёнка веком. Громада собора навалилась тенью на страницу моего дневника. Устремлённая ввысь тишина июльского полудня струится, теплится надеждой на лучшее, гармонично соотносится с вышколенным – ладонями и веками – краеугольным камнем мировосприятия: с жаром жаровен воображения, с жором души высказать несказанное. Любовь витает в знойном мареве воображаемого дня...

Дух захватывающее Слово – начинает и венчает путь в поэзию!

Профессия – поэт.

И вдруг бормочешь второпях, впотьмах, не поспевая
За снежной грудой, грохотом лавины – кутерьма!
Моя профессия? – Поэт! Сводящая с ума,
Под пыльный дребезг стёкол, в ночь скользящего трамвая.

Кому щемящих чувств,
Кому подать восторг щенячий!

Глаголом дочерна белёсый сумрак опалить
И души выцветшие денно опылять.
И незаметно, всеу умереть. А как иначе?!

Несметным городом краплёное окно летело,
Горящее свечой, да, стоит, стоит заглянуть!
Там слов ватага бражничают, стынет муть
И тихо ёрничает дух осьмой строки над телом.

Ввысь загонять бравурным свистом, залихватским криком —
Прилипших к крышам голубей – профессия моя,
И лепестки, с поклоном, под ноги ворья...
В лохмотьях пугалом стоять на огороде диком.

Просторный вальс, прислуживая листопаду писем,
Кружил, кружился, улажая слух, вдруг вслух скажу:
– Да, от профессии, приставленной к ножу,
Я до последней капли сердца
С радостью зависим!

Всё возвращается на круги своя. Воздух умолкает, свет угасает. Настаёт царство сумерек, владычество фонарей. Истончается озарение небосклона. День уходит, преобразается в ночь, остаётся в воображаемом пространстве, там, где брезжил и пропал... путь в поэзию.

Я живу: вдоль жизни, наперекор жизни, вослед жизни; в выдуманной реальности, в бездомной Родине, в безлюдной Москве, в напрасной стране, в одноимённой России. Среди не возвратившихся с полей, посреди не узнавших своих жильцов парадных; под ключьями судеб, под облачным понедельником, над плоскостью будней, над пропастью праздников, над пропастью во лжи. Я живу между прошлым и пришлым, на краю Серебряного века, вырезанного из обложки забытого на подоконнике истории журнала. Я, серебряный поэт, торжественно

обещаю писать так, чтобы не иметь «массовых» читателей, не быть признанным большинством современников, не стать понятным для людей, «потребляющих свой и чужой культурный досуг».

Путь в поэзию? Давно проложен! Славненько так вьётся тропинкой – еловым настилом для сосновых тачек, наполненных сырою родимую землицей, кайло в руку, окрик в спину, держи равновесие, не заваливайся влево-вправо, только вперёд, шагай бегом, давай, давай, не задерживай!

На перроне Александровского, ныне Белорусского вокзала машет платочком – отходящему в никуда эшелону Двадцать первого века – топчется от холода в сердцах группа правнучек русской Литературы: видны тонкие шеи толстых журналов, виднеются будущие лица великих писателей, слышны распевные голоса предстоящих больших поэтов, стоят честной компанией читатели, все, как на подбор, упитанные в анфас, одинаковые в профиль, все владеющие навыками рукопашного боя, все с портретами в руках – героев былых времён – участников бессмертного полка русской литературы, поэтов, сгинувших в горниле обывательской пошлости и подлости. Огромная пустота, затянувшееся «ничто», «инкогнито по неволе» – растелилось, расплозлось овсянкой по перрону, расселилось по всей прямоугольной округе... Фоном для торжественных проводов служат вежливые аплодисменты торжественных церемоний вручения премий за заслуги в области...

Путь в поэзию...

Пешком, с котомкой, на каталке...

Ну, хватит ёрничать! Пора говорить серьёзно, если, конечно, есть что сказать.

А что, собственно, говорить – что ни скажи – всё вокруг да около будет, каждый может пройти «путь в поэзию» – иди и смотри, ощущай, пробуй, ошибайся, спотыкайся до крови, и снова вставай, иди и смотри, во все глаза – на то, что кажется, на то, что ещё не осознано, на то, что словом – усугубляется, углубляется, усыпляется, узнаётся... Уу, сколько всего! Дорог у поэзии много, а путь – один: от снежинки к снежинке, от великого до малого, от кровного к окровавленному, от спокойного к безмолвному, от недосказанного к несказанному...

Обряд

1. Мой стих

Скитальчество ветров, пчелиный гул Псалтыри,
Полночной суверенности столбняк —
Любима тайнопись! Идти на все четыре,
Когда бы взор на всеощность иссяк.

Просыпан грохот канонад и колоннады
В дорических прическах... Адресат
Поэзии моей – вишнёвый сад, мне надо
Взойти в мир павших чувств – к груди прижат!

Прибегнувший к элегии, зарёй подстёгнут,
Монашески уединён и свят —
Мой стих: подлунные охаживает стогны,
Слезой с ресницы в путь-дорогу взят.

Сливаясь с шествием дождя, дождись былого,
Стяжавший славу слову, мой герой,
Стих, праздник нищих яств, где явствовать готова
Жизнь праздных строк, лоснится пир горой!

Всамделишный чуть брезжит мир – душе отраднo,
Купаясь в зареве, пропал, пропел.
Строка, Тесеем брошенная Ариадна,
В ней: горн к губам, в ней жук над льном корпел...

Зов, звук, закат – зачат в расплывчатом треченто:
– Венчается раб божий... – ожил свод
Представшей церковки, – обстиг сердца зачем-то
Престранный стих, в даль близкую зовёт.

2. Обряд крещения

За спиною: вечер, ветер, Вертер, Вагнер и Веласкес...
Разукрашенный темнеет свод, и невесом
Огонёк свечи, и, как котёнок, жалующий ласки,
Тишина шумов, и покотился колесом

Циферблат веков... Явилась тайна, вся речитативом...
Ширма, простынь, просто, крестик, шарма нет, лечу

Над подлунным мирозданием и в царствии учтивом,
Всплеск младенца, взгляд на взгляд, вбирающий свечу;

Оголённый трепет гóлоса, «аминь» повтором славен,
Круг, другой, свеча, холодный пол, белым-бела —
Седина тысячелетий и рубаха, в кучу свален
Дымный ладан ... Жизнь моя, какой она была?

Миро в мирнице. Гвалт мира, исчезающий куда-то.
Как торжественно, до слёз, свечусь, в руках несу
Тёплый свет, как у могилы Неизвестного солдата,
У огня свечи стою, и в сказочном лесу.

Троекратно: ковш Большой Медведицы с водой благою!
Осенило... Осень над Москвою... Осенил...
И вдобавок к охватившему заснежному покою,
То, что я всем сердцем, всей душой оценил —

Красота, простёрлись опрометь и оторопь обряда.
И ещё... Не передать мне... Тайна... Помню лишь:
Ширма, простынь, я, младенцы на руках, иконы рядом
...И божественна молитвой вскормленная тишь!

3. Обряд поэзии

Бессловесный ли немотствующий хор
Темноты, иль статуарность мысли полуночной? —
Только, понял я, как на расправу скор
Ветер времени. Сломали, будто позвоночник,

Годы – веру в лучшее, в людей, идёт
По пятам – стук одноногий, вой, живой по сути!
Чуть заснежена душа, который год
Я во снах живу, протянутой рукой посуды

Собираю, благодарствуйте, поклон,
Паперть каменная моё сердце приютила.
И счастливая тоска взяла в полон,
И навис над млечной Аттикою меч Атиллы!

Мнемозина, дай мне алого вина,
Пощади огарок славной каторги поэта!
Стих – обряд поэзии. Душа видна.
И заснеженное сердце бьётся, льётся где-то...

Отголоски

1.

Пропащая пора:

Туман чуть призрачен и богом позабытые ступени длятся...

Остатки сумерек. Бесед останки и беседки.

Окститься надо бы, прийти в себя, но влажный взгляд

Блуждает в россыпях сухого глянца.

Не слёзы... может, так глубок покой, на слёзы едкий?

Протяжны чайня церквей.

На безымянной тишине разложены пасьянсом судьбы —

Донельзя глубока, замысловата, омут просто...

Вповалку листья. И пахнет осенью упавшей. Всевиноватый вид,
как будто суд был...

Молчание торжественно, как стол в минуту тоста.

Всевышний... Вишни... Вышний Волочѣк...

Смех давешний, давнишний, вешний. Я потешно вторю —

Набрякшему уничтожению, всей подоплёке:

Окраине ноябрьского дня, где-то в России, там, где-то во тьме,
там, к счастью, горю —

Нет места!... Только слышен голос лет, такой далёкий...

2.

Затерянный среди обугленных ночей, померкших судеб, силуэтов

На обветшалых скулах зданий – твержу без удержу, держу пари

О том, что бездыханностью силѣн извечный миг зари, и силу эту

Не превозмочь! Москву, топ cher, печением берлинским одари,

Мой век Серебряный, продли свои подлунные шаги, пусть клятвы
грянут!

Обуреваемый бездействием, кровоподтѣками со стен,

Я слышу голоса, поверх морщин, поверх причин и благодарных
грамот.

Неисчислимы Пьеро: в подтѣках, и глаза в глаза со сцен.

Естественной, давно уж, стала жизнь: без Рильке, без Цветаевой
– без гимна.

И я сорю словами, в ночь, на рейде, врангелевский Крым, дымы...

И только синеокая тоска моя – совсем, совсем, со всем бездымна!

Бездомна Родина моя, где дамы, господа, дома, да мы...

3.

Внимало сущее игре теней и света —
На лакированных штиблетах, на штыках.
Шершавый шершень сел на лист извета.
И ветер штору не заметил впопыхах.

Зияла пустота. Нутро огней погасло.
Спала бессонница больниц и лагерей.
На чёрствый хлеб души намазывая масло,
Молчал в запасниках столичных галерей

Эпохи старожил, жив яростный вояка.
Не звуки – отзвуки владели пустырём.
Миг срезан ласточкой, тень на плетень, двояко
Виднелось сущее: в ладони соберём...

4.

Жизнь выморочную подай на стол,
Мне провидение дороже —
Кондовых будней, ночь, литаврщиков верни!

Возвышенным вас вздором пичкаю:
Туман расстелен вдоль дорожек,
Дом с заколоченными наскоро дверьми.

Приличествует мне: дремота снега, неги позолота, слога
Заиндевелый звук, невнятность глубины.
Не веришь? Просто ты разбрызгиваешь крови сердца, друг,
немного,
И не в тебя шальные ночи влюблены!

Пресекшегося голоса покой, смертельной пашки взмах ленивый;
Огни в метель и эдельвейсы на снегу;
Взгляд отрешённый отречённого царя – кресало и огниво —
Поэзия!.. Сочится смерть... Я не смогу

Создать рассвет, удары сердца ночи на исходе, отголоски!
И люди спят вокруг, вповалку спят огни;
Спит шар земной, стремительно теряющий полёт, и город
плоский.
Кричащий шёпот губ: «Литаврщиков верни!»

Огласка тайны

*«На страшной высоте земные сны горят...»
Осип Мандельштам*

1. Листопад

Верчение, лёт, беспамятства толика.
Порывы. Вы правы, провалы, и только...
А сути не видно, да есть ли, ей вторя,
Природе, как в век королевы Виктории, —
Вручную убранство пространства – изыскано,
Так мир несказанный молчанием высказан.

Неисповедимым, по лестнице Иакова,
Прозрачным иль призрачным, суть одинакова,
Предстал: Серафимы на арфах, кристаллы —
Неслышанный мир – мне промолвить пристало...
С озябших бульваров листву совлекая,
Листал листопад тишину... И такая

Благая окутала душу истома:
Из сна дождепада выходишь, из дома.
Расписано небо – высокие «станцы»,
Объемлет. Обнимет. Окликнет остаться.
Вперёд, пуще прежнего взвеяны кущи,
Багрянцем бахвалится шелест бегущий!

Обрушились листья куда ни попало:
В Неаполь, в Петрополь, в октавы Непала,
В бурлящую радостью пустошь идиллий,
Гурьбой, в одиночку к земле восходили —
Слетевшие с губ одинокие вести.
Разрозненных листьев... Падение... Вместе!

2. Сон Питера Брейгеля

Лият дожди лучей.
По лезвию времён, по кромке Ойкумены
Босая тишина идёт, большая видимость назрела.
Глокает голоса глухая ночь.
И сребреник блестит надменный
На каменном полу. Свисает яствами с тарелок —

Застольное безумие, безмолвие губительной забавы.
Сброд всех эпох и площадей
Горланит, жаждет казни.
И лисий хохоток старух, и колких перьев скрип,
И взгляд плюгавый —
Смешались, до беспамятства смешат. Вздывает: «Гасни!» —

К кресту вздымает крючковатые персты,
Забрызганный покоем,
Сотрапезник чудовищ – век бубонный, каждый, взвинчен,
И мы с любимой – скорби скарб с безудержною радостью пакуем!
И сломанные крылья мастерит, в сердцах, да Винчи...

Охвачен соглядатайством:
В клуатрах, в кулуарах стынет кома:
Уродства вакханалия, доспехов блеск суровый.
Под грохот вавилонской башни мир людей
Искромсанный, искомый...
И ангельские развеваются плащи, покровы.

Гул под крылами: своды, войны, воины и пятна алой швали!
Невзрачной радости хмельная суть – всю пленила.
Огласка тайны... Внемлет кто иль нет? Едва ли...

Лиют вино багровое,
А ночь – в глаза чернила...

3. Кома

Ветер исполнил глиссандо
В осиротевших на листья
Сводах бунинских аллей.

Повадилась в глаза врываться тьма кромешная, впустили —

Радостный холод – сердца,
Бой напольных часов остывал,
Я навсегда отставал
От исчезающих вдаль журавлей,

От падающих в бездну бремени израненных идиллий.

Вечер утратил плаксивость,
Огонь зачинался: в каминах,
В снах, сгоревших дотла,

В наполненных яростью бойницах, в больницах в кровь искомых.

Взгляд, прикованный к стене.
Осенью осенённый покой.
Ночь озареньем светла.

Поэзия – напасть? – На след напасть, не выходя из комы...

4. Брезг счастья

Тимпанов и флейт голоса, нити пряжи,
Фригийских полей отдыхающий вид.
Слепой Нотр Дам в дальний вечер наряжен.
Заброшенный век пустотою кровит.

И мокрое эхо шагов, и немая
Царит мизансцена: уныню вослед
Крадётся туман, сладострастью внимая,
Срывается с пальцев бубновый валет.

Пропитана взглядом страница Жюль Верна,
Бокалы целуются... Нет, не о том...
Возможно, как будто бы, как бы, наверно,
Таверна и хохот, с дымящимся ртом, —

Рассказ моряка-старика, выплеск грога:
Поддался клинку проржавевший сундук...
Фортиссимо Грига, фортуна, потрогал
Шершавую ночь оглашающий стук.

Солёные письма на рейде Ньюкасла...
Я – эркер пространства, подручный племён;
Маяк, чтоб надежда в шторма не погасла;
Брезг счастья, молчанием хора пленён!

Скропись духа

«Умение передавать в произведении не «голую правду-матку», но ту высшую правду, которая называется вымыслом – сопутствует поэзии. «Правдиво рассказать можно лишь о том, что не просто «было». Вымысел совсем не есть выдумка, басня, произвольное измышление. Его нельзя назвать ни былью, ни небылицей, ибо в нём таинственно познаётся не преходящее «бывание», а образ подлинного бытия. Поэтический вымысел есть мифотворение, без которого не может обойтись искусство и которое нельзя заменить дискурсивно-логическим познанием».

Владимир Вейдле

«Мне искусство никогда не казалось предметом или стороной формы, но скорей таинственной и скрытой частью содержания... той его частью, которая не сводится к темам, положениям, сюжетам... в художественном произведении всего важнее не слова, не формы, но и не изображённое им, а то, что всем этим сказано и не могло бы быть сказано иначе, какое-то утверждение о жизни, какая-то мысль, которая перевешивает значение всего остального и оказывается сущью, душой и основой изображённого»

Борис Пастернак

1.

Я жажду
Чёрно-белого цвета на всём...
Брезжит безвременье, нет ли?

Как будто бы голоса в ладонях несём...
Гулом наполнены ветви:

Трамвайный дребезг, колокол и метроном,
Вой злой дымохода долог,
И, в хлещущем тоскою, жилище больном
Падает тьма с книжных полок.

Колеблются: память и туманы долин.
Кажимость обрела очи:
Забвеньем опьяняемый взгляд утолим,
Ночи сопутствует очень.

Отсутствуют: чёрный свет на белом снегу,
Солнечная тень Калькутты;
Изверчена стрелками, всегда на бегу
Забытая, бес попутал,

Великая толика вымысла на всём!

Слышатся песни звёзд, нет ли?
Как будто бы на руках тишину несём...
Лугом надбавлены ветви.

2.

Заблагорассудилось и обыденность стала миражом:
Расстелилась гладь заката, гавань, всплески;
Огонёк свечи – хмельным сраженьем, взрывом хохота сражён,
И валялся под ногами окрик резкий;

Навуходоносор – бой шагов, гул зиккуратов, конниц лязг —
Грандиозный холод камней Вавилона.
Умопомрачительная толщина эпох и толща ласк,
И промчались тени копий, непреклонны.

В бездыханной улице рассусоливают скорбь особняки,
На вратах: безвозвратные домочадцы.
Особняком выстоять! Давай, ночь, в урочище сна вовлеки,
Мне бы только до кромки жизни домчаться!

Опознавший осень, луч фонарика, поглощённый тропой;
Остроносая кирха прихожан кличет:
Падает звон... Падшие листья... Падуя... Падая, пропой —
О слиянии черт! Чёрт... Чёт... Нечет... Вычет.

Морозящий дождь... Дождь венецианский... Дажь нам пелену
днесь,
Дабы видеть: смертно, смутно, дамбы, дыбы;
Чтобы правда вымощена обманом, чтобы город стал весь —
Миражом, сквозь который мечтать смогли бы!

3.

Как Цезарь преданный, ещё не веря,
Стоит мальчишка, жизнь моя, да что же это...
Вой стёкол выбитых, как будто зверя.
И голос, втоптаный в снега... Меня, поэта,

Накормят холодом, в глаза не глядя.
С заправской лихостью мне проживать охота
В высоком рыцарстве, подвинься, дядя,
Здесь латы клятые и клятвы Дон Кихота!

Здесь жизнь обглодана, здесь тело рвали

Рычащей сворою, но путь, но взгляд околел.
И ночи родины о счастье вдали
Колоколами колоссальных колоколен.

Сноп фар постылая потьма рожала,
Ржавела память, пошлостью лоснились рожи.
Подставь, как к горлу остриё кинжала,
Строку к глазам, путь станет снов дороже!

Усекновенной полночью гордиться?
На плахах Зимнего дворца искрились солью
Немые вскрики, канувшие лица.
Часы изрубливали тишину соболю:

Сонм звуков медленных – бездонный, медный.
И снега солнечного скатерть расстилая,
Очаровал поэта мир, намедни,
Околдовала город оглашенность угловая...

Ключ Иппокрены

Однажды, где-то в разгаре ветреного осеннего дня, волнообразно шумящего, раскачивающегося кронами, приглядываясь к деревьям, травам, ощути в привольную хаотичность листопада, я вдруг почувствовал присущую всему – невероятную, естественную лёгкость или беззаботность, или полновесное доверие всего ко всему, царящее в природе, – сменяя друг друга, меняя облик до неузнаваемости, или даже как будто бы соперничая друг с другом, да ещё, подчас, обладая лишь миготом для существования – участники жизни природы – не имеют в себе самих никакой трагедии, зависти, подлости, как это бывает сплошь и рядом у людей, напротив, все жители мира природы – вольны и спокойны, уступчивы, знающие своё общее начало, своё единство и поддерживающие его.

Борьба за «место под солнцем» – очень условна, скорее даже, театрализована, важен не результат, а процесс: эхо шелхнувшегося листа, всплеск голосочка птицы, стремительное завихрение падающего с высоты снега, дождя, каждого листика, «разбивающегося насмерть» – всё это лишь красивая декорация, фон для совершенно умиротворённой, гармоничной картины мира природы... Ни вражды, ни смерти, ни одиночества – ничего нет из постоянного набора человеческой жизни!

Мне захотелось попробовать в строке этот «свободный, осмысленный хаос», хаос ради созвучия, жертвующий сиюминутным содержанием и даже смыслом! У нас слишком много подчас «содержательности жизни» и слишком мало ощущения или знания жизни и доверия к ней. Мандельштам неспроста у меня в эпиграфе, но как зачинатель торжества «беспамятной строки».

*«Каково тебе там – в пустоте, в чистоте – сироте...»
Осип Мандельштам*

1.

В прах растеряв обитателей, облик, на облако глядячи,
Тяжко вдыхаемый лёгкими, мой переулочек, старея,
Мерно светал под шагами, и скрипка Шагала витала...

Сны захоронены в дни – как в курганах уложены вятчи.
Скоро уже... Уже стали минуты... Скорее, скорее!
Ревель. Свирель. И свирепость вандала Виндава видала...

Ладно, пусть так, пусть прохладные статуи сквера и скверное
Завтра – затравленно ждёт нас и дышит на ладан, и клянча
Милостыню у глазающих в строки, ох, строги, наверное,
Выступят прутья из темени, будто бы рёбра из клячи.

Славно скудеют шумы, словно губы поэта, поэтому
Двор, оркестрованный хором созвездий и гоном звериным,
Сладостно спит... Мне, горнистами горными, горнами спетому,
Слякотно грезится грязь и взрыхлённая рыхлость перины.

Жизнь – секундантам, а мне на дуэльной дистанции – вымыслы:

Счастье. Оживших поэтов стихи – льются, время снедая¹!
Блеск антрацитовый – руки из жерла истории вынесли.
...Нет ничего. Только пламенный сон. Только юность седая...

2.

Ещё непроницаема,
Ещё нет видимых причин.
Лишь варево гудит: горсть звёзд, щепотка плача...

Из глубины доносится,
Как первый снег, во тьме неразличим,
Латунный звук иль блеск, и ничего не знача,

Врывается в строку – в разграбленное сердце октября,
В холодную сумятицу, провозглашая:
И трогательность плеч, и талый тлен теней – не зря, не зря!
И чуточка тепла оплавленной свечи – большая.

И вот уже лавина чувств, сквозь лаву лет, раскалена,
Сжигая заживо, сметая быль и небыль,
Вздывает, сокрушив, душа вольна, больна
Разверзшейся возможностью прославить небо.

Распахнуты стихи! В объятьях – сонм стихий! И сны пруда,
И зыбкий край ночующего в поле стога.
Всем звёздам салютующая молодость, рука горда.
Улыбчивый ручей, спадая, слышен много.

Ещё не приключился день,
Ещё дрожащая пора,
В разгаре целокупное витийство, в силе.
Но чар моих чураются... Судьба стремительно стара.
Глаза очнулись. Здесь.
Качнулись к смерти. Все ли?

3.

Когда осенняя стихает темнота
И свет окна крадётся меж стенами,
Внимаешь, с искренностью искры: занята
Высокими осколками стенаний —

В е л и к о м у ч е н и ч е с т в а святая суть.
Молчит обильно уличка, так надо.

¹ снедать – здесь в значении «сокрушать».

Меня отнять у вдохновения? Отнюдь!
В укромной впадине струенье клада —

Ключ Иппокрены! – воздух пламенно-сырой,
К губам, к глазам... Душа качнулась ярко...
Я за влюблённых в высоту стою горой!
Жизнь выгорит свечою, до огарка,

Я это знаю, но, чуть только тишина,
С небес спускаясь, вымазавшись в саже,
Остановилась, как слезинка, не слышна,
Мой стих Вселенную двора покажет!

Втуне

«По-настоящему (большой поэт) «осуществляется» только в талантливом читателе. В таком, который способен к активному сотворчеству и готов к усилиям, подчас к утомительным. Но это утомление сродни усталости рыбака в дни удачного лова. Утомление не растраты, а прибýtка».

Марина Цветаева

1. «Воронок»

По остывающей бездомной тишине, грузно
Налегая шагами на осеннюю робу бульвара Страстного...
Жить уже некуда, час настаёт, ветер грустно
Пошевеливает ветви. Смертельно не верится в лучшее снова.

Не горячит горечь чувств. Мысли огнём объаты.
И бумажным змеем витает в оглашенном воздухе, прокажённом —
Захлебнувшийся крик: «Остановитесь, ребята!».
Онемевшие, обхватив окаменевших мужей, не плачут жёны.

По нарастающей тает сон: так мало мела
Остаётся в дорисовывающей солнце детской руке, застыла...
И кто-то сталью голоса тычет в ночь умело,

И расстреливает,
Пришедших за сном,
Фарами «воронок»,
В затылок.

2. Past Perfect

Жизнь на юру, смерть посреди. Незащищённость кровом.
Кровью истекает время. Нет неба над головой!
Типажи: зырк бычий, пот на подбородке здоровом...
Сколько их, Господи, сколько! Впадаю в дым луговой...

У рукомольников железных – впредь, прядь, прить оттока:
Нудно падают холодные капли, насмерть бьются.
С картин: пламенеют маки заживо! Ожглась жестоко
Душа мальчишки, потонув в остывшем чае блюдца.

Окаменевших лобзаний неподъёмная тара,
Мрачное золото Винсента и кривизна Дали...

И во рту зычный привкус вокзала... Память, стань старой,
Скорбь, губами початую, зорко со мной раздели!

Где-то поодаль пообвыклось марево сна, спите...
Стих перезвон увешанных монистами цыганок.
Я любил любить... Любил Россию, из Москвы в Питер,
Жизнь на ура, под воздыхание звёздных сигарок.

3. Разве что...

Запаян вечер оцинкованный
В продолговатое пространство века жгучего.
Глаза закатом жизни скованы.
По капле сердца встречный ветер мне наскучивал.

Строки мятежность статуарная,
Огнебородым греческим богам покорная.
Минут разгромленная армия.
Неизречённостью вселенской сыт по горло я!

Ветра и чувства переменчивы.
Глаза, обживши темень вечера, за старое
Взялись – блуждать... И молвить нечего,
Ну, разве что: вот, облака прошли отарою...

Парад-алле

Я слышу жажду тверди!
Мне твердят о ней:
Ковыль низкопоклонный,
Студень жара, миражами полон.
В полон днём бездыханным
Взят покой, сильней —
Скрипач в траве. Жужжанье обездвижено
В потоке полом.

Маячат маки. Миг в разгаре. Век, стремглав,
Пронзил обескураженные семьи,
В тине умолкая,
Мерещится шмелём. Спит тишины анклав.
Простёртый товарняк из облаков.
И медлит тень нагая.

Я слишком жажду тверди слов! Она сама
Себя не узнаёт в моём неистовом порыве, так то...
Жаровня захиревших трав...
Сходить с ума
От всколыхнувших яблони сорок,
Забросив чувство такта! —

Освобождённым словом крыть – туз козырной,
Пусть шайка воровская дойщиков закатов стынет скопом!
Пусть только каждый сотнетысячный со мной
И жар несокошенный – могильщиками вскопан,

Я славлю обездвиженного слова взбег,
Брусчатку подавай мне, жизнь,
И готику сусветной речи!
Бухарским пловом вскормленный молчит узбек,
Ни слова не поняв, ничем поэту не противоречит.

Благим, рождённым в грохоте нездешних гор, —
Глаголю твердь, елейный аромат сицилианских сосен.
Народ мой на расправу с жалким смыслом скор
И к жизни, за пылинку отданной поэтом, сонно сносен!

Я жажду жажды,
Зной вам в помощь, ходоки, —
По сломленным рукам, по пятнам крови – выцветшим и ржавым!
Снедаемые тишиною сны легки
Моей, правдоподобной, от дождей до сумерек, державы...

Стеклянная есть твердь! ...Не достучаться мне:
Ладони в кровь и медленная пустота
Стены облезлой...
И боль въезжает в сердце на лихом коне.
Парад-алле... Доносит воздух:
Костыли и топот жезла.

Навеяно Винсентом

*Explicit mysterium*²

1.

Измаянных – изломанным молниями небом —
Руками, хлопками просят сойти со сцены,
Не мешкать, не мешать! Соборы с высоким небом
Смыкают напевы в хор, реквиемом ценны...

Вот ёкнуло в груди сердце, часы возвестили
Глубокую полночь, в которой несут мерно

Осмелившегося
Ослушавшегося
Ослышавшегося безумца! Строй Бастилии —

В почётном карауле. И пасутся мирно

Стада округлых минут на циферблате чинном.
День-Бом... – по имени тишину называя,
В напольных часах хадж звуков... Схож с мёртвым мужчиной...
Сочится жизнью ночь, как рана ножевая.

2.

Острого цвета солнце,
Пронзая толщу заспанного быта,
Пробилось-таки к глазам,
К лиловой дрёме...
Тщётно разыгрывая безмятежность,
Зная, что карта бита,
Любуюсь падающей тишиной, кроме

Волчьих пятен на распахивающейся двери – тлен итога —
Минора полна каменная Минерва —
Снится мне, на обложке Древнего мира, не буди, не трогай!
Но мира не будет... Мы с ним, мы – нервы:

Вытянутые, выпростанные, втопанного стона струны!

² Свершается таинство.

Напитаны бунтующей кровью вены.
Вышедшие нам навстречу: полуночи, пустоши и страны
Воспитаны в аду чувств благословенных.

Загнанный в яму безумия,
Или стяжавший взлёт глубокий?
Столетний ствол, молнией разбитый, спилен.
Жизнь отдана искусству. Убогие глаза лежебоки.
Охранной охрою осыпан храп спален.

Любящим цветом оттенена неминуемая потеря.
Последняя роза осенняя – блёкла.
Таинство слабой занавески в створе утра. Рассвет потерян.
Чирк солнца. Зарделись бездонные стёкла.

3.

В разгаре сумерек: сад, споры вдохновенья и отверстых
Небес – на вдохе отхлебнула – душа моя... Потёмки святы...
И смутная тревога улеглась. Дождь выпал из отверстий
В чернильном куполе. И гнёзда птичьи – из прутьев окон свиты...

Как зримо тонет взгляд! В пучину братских чувств я погружаю
Мотив сусального пейзажа заколосившейся пшеницы:
Вороны тянутся к созревшему под ветром урожаю,
Их пятна вороные, и данный день, который денно снится...

Десницей Неба – молнией – померкший небосклон расколот,
Удушливая тишина прохотала – над жизнью всеу.
И стынет сердце, подступает, крадучись, к ладоням холод,
И кистью начинает смерть свою, смерч бешено рисуя...

4.

До обморока!
И пульс нитевидный...
Скорее, скорее,

Хватая губами остуженный вопль
Рассветной земли, вызнать вдруг достоверность слепую!
Избита душа, час от часу жив,
Поминутно старея,

Предчёрное пламя познав кипарисов,
Пишу – оголтелую оторопь лиц, ввысь ликую.

Патетикой дайте наполнить
миндальничанье с закатом!
Замшелая путь-дорожка, петляя меж междометий,
Выводит к опрятным мыслям о близком.
И тайное станет явным – в грязи,
В этом мире залятом!
И жаркая жуть прозрений вдруг окаменеет, застрянет
Древнеегипетским обелиском.

И всё же, ненапрасна
Жизнь в искусстве, неостановима!
Сердец хрустальные осколки. Разграбленные настезь судьбы
И правда впроголодь святая;
И алчущие ярких глаз картины Винсента,
И строк моих непреднамеренная схема —

Сплав бережный,
Сплав раскалённый добела!
Ночь слышалась, ночь кончилась.
Мир за окном светает...

Et cetera

«Сочинение поэзии – тоже упражнение в умирании».
Иосиф Бродский

1.

Да, в расплавленный воск тишины наряжён
Знойный полдень – Москва под пятой.
Выходи из подполья и лезь на рожон
Дух мой, чудо продлив запятой,

Разбуди, береги, борозди бороной
Измождённую душу, озвучь
Жалким скрипом двери тлен тоски вороной,
Провернув неподатливый ключ.

Мне за волосы вызволить, ввысь подтолкнуть,
Мне к оглохшим слепым – со стихом?!
Взгляд: на кромках домов каплевидная муть —
Высох ливень в проулке глухом.

Зал в потёмках. Подсвечен сюжет за спиной:
Стол, влюблённые, яства горой;
Утро. В голову целится друг записной.
Обронён в травы главный герой...

Скомкан кадр, расплавится фильм. И опять:
Безымянных мгновений купаж.
Близкий зной. Шмель взлетит тишину опылять...
Жизнь за с т и х о т в о р е н ь е отдашь?

2.

Огонь в лицо!
Рациональной подоплёки —
Ищи-свищи, здесь строки-самураи;
Здесь ночь бездомная и колокол далёкий
Звонит, звонит, по капле умирая...

Горит свеча.
И тьма народа обступила —
Поэзию – и губы в кровь, смолчала...
Как дружелюбно по живому водят пилы!

Ободрана, как липка на мочала.

Огонь в лице!
Сквозь неизбывный сброд, сужая
Простор, с ребёнком на руках, мадонна,
Идёт – навстречу славной гибели, чужая —
Всей жизни! И счастливостью бездонна.

3.

Прижато к кремню бытия кресало!
В шагах нехоженных таится эхо, снам сродни.
Высоким ветром небо расчесала
Ночь, растерявшая достопочтенные огни.

Застыли в беге облака. Молчите,
Молчите, строки, овладейте с тишиной камней!
Висок, ударов крови расточитель,
Чуть содрогается. И ластится тоска ко мне.

И ласточка сквозь синеву, и прорва
Желаний в рифму рассказать о чём-то там таком...
Мой белый фронт кромешной чернью прорван!
И крадучись в ночи, поэзия, – живёт тайком.

4.

Я скажу, нарочито шёпотом,
Вознося свечу над плечом:
В омут ночи глядел и шёл потом
Просто так, и всё нипочём.

Я прошу, как последней милости,
Как в Сахаре воды глоток,
Чтобы ранней порой явилась ты
И осталась бы на чуток —

Тень снесённого веком вечера,
Песнь горниста, похлёбка ртов!
А сейчас, что же, делать нечего,
Ко всему, ко всему готов...

Цикл «Фата-Моргана»

Мне искусство никогда не казалось предметом или стороною формы, но скорей таинственной и скрытой частью содержания. Той его частью, которая не сводится к темам, положениям, сюжетам, после чего мысль несколько затемняется, но остаётся несомненным, что в художественном произведении всего важнее не слова, не формы, но и не изображённое им, а то, что всем этим сказано и не могло быть сказано иначе... какое-то утверждение о жизни, какая-то мысль, которая превышает значение всего остального и оказывается сутью, душой и основой изображённого».

Борис Пастернак

1.

Неминуемый вечер: на плече,
На оборках июльских кулис.
Раздушистой черёмухой бредит
Растемневшийся в зной барбарис.

Будто жизнь, убывает помалу
Свет не тронутых ветром небес.
Ноги босые, в ночь, окунала
Вечность в Лету, в раздолье чудес!

Распылила зарю кавалькада
Облаков – мчатся медленно вдаль.
Неминуемо знаешь: Не надо —
Ничего! – и в минувшем, не жаль.

2.

Есть в солнце вечернем:
Покой и прохлада,
Ласкающий травы дрожит ветерок;
Смолкающий свет
В гуще мутного сада
Под пыльные звоны ушедших дорог.

Минуты, сподобившись часу, продлили —
Присутствие солнца на кромках ресниц.
Пал колкою тенью в распахнутость лилий
Раскидистой ели игольчатый шпич.

Есть в думах вечерних:
Узоры Калькутты,
Бриз Корсики,
Волны Тверских куполов;
Желание в шаль золотую укутать
Озябшие звуки промолвленных слов.

3.

Немеет воздух.
В вечность канет —
Из облаков закатных холм.
Зари разорванные ткани
Залатаны золотым стихом.

Превыше всяких слов, превыше
Остановивших дрожь ветвей —
Начало звёзд над острой крышей,
Высокий абрис тополей.

Сгустилось.
Смерклось.
Свыклось.
Сталось.

Ещё не тьма, но при дверях:
Души умолкшая усталость.
И пепел лет,
И песен прах.

4.

Побережье агав и магнолий,
С томным взглядом ажурная мисс.
Вечер зёрна кофейные молет,
Восходя ароматами вниз.

Алый шар погружается мягко
В чернобровую ликом волну.
Пахнет крабом рыбацкая лавка,
Подступает луна к валуну...

Приглушённая пляска фокстрота,
Пальцы топят в рапсодиях сплин.
Ждёт под сенью гротескного грота

Оголённая женственность спин.

5.

Благоухая нардом, киннамоном,
Царицей Савской в сумерки сходя
С небес, во сне неугомонном
Застыть сухой каплею дождя.

Обрадовать покой громадой гуда
Столетних елей; еле-еле внять
Пространной странной темноте, покуда
Нисходит звёзд окрепших благодать.

Всем миром слышать мерные тирады
С травинок свесившихся скрипачей.
Душа моя вечерняя, ты рада
Соитию речений и речей!

6.

Чаепитий невинные всхлёбы,
Венских стульев овалы легки;
Наставание сумерек, чтобы
Вдосталь стали слова далеки.

Купы звёзд в глубине чашек с чаем,
Рука об руку – вечер и ночь.
Взгляд взгрустнувший отнюдь не случаен,
И слеза раскатиться не прочь...

Но так медленно слышатся ставни,
Но поёт на душе соловей!
И пролёт облаков – вящий, давний —
Над узорами стихших ветвей.

7.

Всё обволакивал из воздуха возникший,
Нижайший звук – туманом миража.
С немой покорностью возгорбленного рикши
С колосьев ржи слетала солнца ржа...

Жар спал. Спал жаворонок. Видел сон котёнок.
Не скрипнув, погрузилось в густоту —
Крыльцо. Гудок состава шей длинен, тонок,
Пронзительно озвучивал версту...

Нет, не «ясней и проще» всё, как у Толстого,
А померещившимся, день-деньской, —
Фата-Моргана вечеров! Вовсю готова
Взлелеять оглушительный покой!

Старик и море

1. Старик

Жизнь уткнулась в старость, как волна в песок:
Вспененного шелеста пропажа.
Лишь крылом парящим белый день высок,
Пресной стала суша, море даже.

Воспалённый влажным солнцем звук шагов,
Мачты раскачали взблеск заката.
Под ногами вечер. Всплеск... и был таков
День... И ночь бессонницей богата.

Сном залатанная явь. Глава на грудь.
Грохот тишины, душа солёна.
Хочешь, помни всё, а хочешь – позабудь...
Хватит на глубокий вдох силёнок!

Завтра снова в море волн и гладких дум:
Отмель золотистая и льявта, —
Будто кадры киноплёнки, в сонме дюн —
Кромка сна, благословенна, свята

Данность моря – ослепительная гладь.
Льявта стали львиной долей смысла.
Хочешь, берег онемевший трогай, гладь,
Высмотри, как тень звезды повисла!

Не жестока старость, простынь не жестка —
Мягкий шелест старой газетёнки.
Словно птахи голосочек ввысь, с шестка,
Ветер в хижине попутный, тонкий.

2. Мальчик

Как же он верит, как смотрит в него,
Любит его, старика своего!
Бледная бедность, всю нищета...
Звёзды на небе. Он их не считал.

Воздух залатанный. Возглас. Кровать.
Сердцу доверено громко кровить.

– Не уходи, просыпайся, старик! —
В самой груди разгорается крик.

Чем бы помочь, сгусток кофе, дымок,
Нет, он не будет один, одинок!
Только прогнать бы из горла комок,
Снасти с рассветом – руками помог.

Юность старела. Взрослея, заря —
Вторгнулась в слёзы сквозь пальцы, не зря
Приняты муки – победа за ним!
Мальчиком плачущим, солнцем храним

Спящий старик, укротитель морей.
Борозды страшных ладоней согрей,
Солнце солёное! Снящимся львам
Снится, возможно, подножный Ливан...

Как же он смотрит сквозь ночь на него,
Впавшего в сон старика своего!
Завтра настанет и в море, вдвоём.
Медленно тщит тишину окоём.

3. Море

Береговая линия огней.
И кобальт глубины, и перламутр,
И жемчуг раковин распахнутых видней,
И ветер одухотворённо мудр...

Взлетают рыбы над волной, сюда
В горнило страсти правь, старик, тяни
Ослепший взгляд! Как будто бы слюда,
Даль расслоилась в солнечной тени.

Уже который день... внахлест... внатяг...
Величественно яркое небосклон.
И паруса вздымающийся стяг,
И море, взявшее судьбу в полон.

Костями рук сдержавши бечеву...
Пучина вдоль бортов. Оскал акул.
И сукровица моря наяву,
И радостных отчаяний разгул!

Береговая линия огней.
И море неба под рукой, прилечь...

И в свете фонаря слегка видней
Губами шевелящаяся речь.

Три сестры

«Чеховские милые, скромно-лирические люди кончили своё существование».

Немирович-Данченко

«Пройдёт время, мы уйдём навеки, но страдания наши перейдут в радость для тех, кто будет жить после нас, счастье и мир настанут на земле...»

А.П. Чехов «Три сестры»

Действо Первое

А сердце кровью залито! Взгляд сквозь весну слепой —
В родную грусть за тридевять земель ушедший, эх, в Москву бы!
Боюсь вспугнуть, — как будто лань пришла на водопой, —
Минута счастья... Если есть какое счастье у Гекубы.

Бежать! Оставить всё, стремглав, по лепесткам в ночи,
По звёздным углям — раскалённый холод жжёт, и пусть, за ставней
Приотворённой в память — свет. Ты только не молчи,
Живущий вместо нас в стране исчезнувшей, давнишней, давней,

Даст Бог, всё сбудется, всё будет хорошо, веди
Рукой нечаянной по бело-розовой волне пахучей!
Необозрима даль. Что ждёт нас? Лучшее? Конечно. Впереди:
Омытый сад; такой улыбчивый, как рот младенца, случай.

Вставать чуть свет, трудиться до зари, влюбиться в путь
И не желать иного — В омут неба, поминай как звали!
И будто в дом родной, в распахнутый подснежник заглянуть.
Стоишь, букет к груди, жнёшь дождь, на Александровском
вокзале...

...На сцене речи не смолкают — царствует гортань.
Кидают в зал сухие искры, ждут пожара лицедеи.
...Эй, вечер, хватит, развалился тенью, перестань!
Весомый занавес настал, глазами зрителей владея.

Действо Второе

Да... вечера —
До вечера осталась малость. Вот ведь, давеча...
А глянь, тому назад уж минул год иль полтора, и боле.

Все мы качаемся огнём, вот здесь лампадка – эта, та – свеча —
Рутин пышная и затхлая – «салоп соболий»...

Пауза

О, как же русской мысли строй возвышен,
А путь – куда-то под откос, в тартарары и по наклонной.
И слёзы в дождь в саду, и капли вишен
Застыли в воздухе, и багровеют вдосталь... Ив поклоны

Над серебристой глубиной тягучей.
Мечты состарились и взгляды в море неба к чайкам редки.
И скомкан смысл забытых писем, случай,
Приди, счастливый случай! Горечь будней, хуже горькой редьки!

...Парит гостиная. Земля под нею:
Мелькают дни и дни мельчают. Огни бенгальские речей —
Разбрызганы во тьме... Смотрю, бледнею,
Взгляд беглый, одинокий. Бой сердца: глуше снега, горячей.

Любовь замёрзла, вся в снегу, в дремучем
Полуночном лесу, избита в кровь – вот мизансцена, Боже...
Ну что ж, mon cher, ты бледен так, замучен!
Как будто там же, те же мы... Удары сердца стали строже.

Однако, держимся, с улыбкой канем
В немые марши лестниц, в тупую простоту прямых углов!
Нависла, как ручища с грязным камнем,
Судьба над нами...
(Тут вдруг чихает зритель, что же, будь здоров!)

Действо Третье

Как полыхает ночь!
Горят: дома, сады, надежды, чувства, страсти.
Сгорают трогательность, гарь разносят пепелища!
Венком из одуванчиков страну мою сгоревшую украсьте...
Всё догорело. И нас не слышит время, и не ищет.

Летит гостиная
Сквозь грохот костылей, сквозь перегар, сквозь ладан.
Разбиты стёкла. Ветер в комнате. И блики вьются.
Во имя будущего, может быть, полёт безмолвный этот задан?
Вновь отхлебнули горя, будто губы чай из блюда.

Ютиться в роскоши бездонных анфилад сознания людского...
А внешний мир до боли в сердце станет безразличен!
Лишь погромыхивают в чёрных снах чугунных чувств оковы,

Лишь мчатся всадники и оглашают память кличем...

Пауза

Какой громадный час!
А жизнь так скоротечна, так мала, так кратка.
За ширмой, в уголке прилечь: в траву, в постель, в могилу!
Вращает карусель, с натугой скачет деревянная лошадка...
И что-то отвечать, впопад, кому-то, через силу.

Уехать бы...

В родную даль, в Москву любви, в иную жизнь, без грима —
Нахрапистых овальных добряков, наседок бойких!
Ночь, гарью обдавая дом, осталась в сердце, всем гостям дарима.
Кого-то с пьедестала скинут, а кого-то — с койки...

Действо Четвёртое

Ещё бушует тишина, висит покой в бездейственном саду.
Вольготно длится мизансцена с облаками.
В разгаре вечности я в дом с колоннами по воздуху взойду,
Раздвинув занавес обеими руками.

Часы в гостиной возвестили эпилог: последний взмах вослед...
Бокалы вспенились, их залпом осушили.
Уходят: молодость, седого неба журавли... Накинув плед,
В живых оставшийся глотнёт октябрьской гнили...

Ещё не кажется фатальным яркий день и час, всё впереди:
И злая выюга, и расстрел, и лёд Кронштадта.
Холодной жабой липнет к сердцу, к раздышавшейся в рассвет
груди —
Тоска. И речь друзей молчанием богата...

Невыносимо беззащитны: глаза, шаги, частички речи,
Заиндевшие в веках улыбки... Где вы
Угодья счастья!? (Зал тишиною гробовой противоречит
Усердию актёров)... Левой, левой, левой! —

Грохочет гром в унылой роще и убивает на дуэли —
Берёзы, ох, глаза твои, Господь, слезятся...
О, как, глазеющим из зала, — немые сцены надоели,
Им вместо шёлка подавай дерюжного эрзаца!

Пауза

Задумчивые женщины, уездные мадонны,
Растерянно глядящие сквозь дождь, сквозь дрожь ресниц...

Вы больше не нужны стране,
Лишь окрик беспардонный,
Лишь миллионы лиц других!
Сирень скончалась ниц.

От сердца милосердные... Берёзки... Ветви тонки.
И добровольно согнаны на вымокший обрыв!
И падающей осенью листочек похоронки,
И дымка в небе стелется, крик журавлей укрыв...

На авансцене осени... Сестрицы-горемыки?
Нет, это вы несчастные, смотрящие вскользь нас!
Не кровь в траве, взгляните-ка, то капельки брусники...
И свет в окне, и взмах руки – всё не в последний раз.

Затерянные в сумерках, последние мадонны,
Им жить да жить, да некуда, прошла пора цветов.
И только купол осени – со звёздами, бездонный...
И вскинувший ладони зал... к овациям готов.

На даче

1.

Во всеуслышанье – безмолвие,
В разверстом слухе и минуты пятаются...
Ночь утопает в мириадах
Уединённых звёздных куп, в сошествии своём.
Забыв, какой сегодня век и что там на календаре,
Какая пятница,
Став на мгновение не существующим повсюду,
Развесив облака бельём,

Я запрокинул взгляд, в мерцающий созвездиями омут неба,
вброшенный,
Переиначивал знакомый облик ночи. Мир чистого переживанья
тлеет...
И леденцы неистовых комет, планет разновеликие горошины,
И ворох бывших, навсегда ненужных и неподвижных, как цветы
могилы, дел —

В спираль закручены, вовлечены в великое движение, чумазое!
И плавных птиц высокие потоки заморозили взгляд,
Всегда, всегда вперёд!
Перескочил с созвездья на созвездие мальчишка, по Вселенной
лазая,
Переливающийся блеск звезды заветной,
С рук на руки он мне передаёт.

2.

Мы в млечных сумерках, любимые мои, мы вместе живы!
К цветам нетронутым печалью и к восторженным
Мгновенным птичкам – вернулись мы, из мира слёз, утрат,
наживы —
В мир, напоённый тишиной вернулись... Кто же мы,

Что с нами стало?! – Беженцы в седые сны времён, осколки
Окна разбитого... Приют, покой не найденный...
Махнув рукой, с букетом роз, исчезла жизнь, лишь скрип
двуколки,
Сгорел закат. Остались огненные ссадины.

Посеребрённый колокол луны. И чаепитий всхлёбы.
Лес мелодично утопает в тёплом омуте.
Прольётся звёздный дождь на ветви сна, так искренне, так, чтобы
Душа огромная, как в детстве дальнем, помните?

3.

Накрапывает дождь. Вдруг, тишина, вспорхнула будто,
Укрылась мотыльком под лепестком рутбекии.
Непроницаемо прозрачный и бесстрастный Будда —
Вид сада, маки с чуточкой Моне, и некие

Коленопреклоненные черты: колосья, своды,
Расписанные зеленью и гжель мерещится.
Гудение молитв в траве, окроплены и святы
Листы, под ноты Листа, ждёт природа-резчица,

С июльским придыханием, лишь случая, – узоры
Неповторимой томностью полны, получены.
Есть зоркость невесомая: у зарева, у зорей,
У поглотившей золото лучей излучины.

Покорное достоинство и безоглядность сада,
Понурое величие ветвей и вскорости
На краешек, на облако закатное я сяду,
Вдыхая небо в радости, вдыхая в горести.

Какая простота присутствия! И дня, и дома
Теплеет цвет, чайники солнца в чашках, нехотя...
Душа – не верою, а слабым ветерком ведома,
Вы уж простите, право, отщепенца-нехристя!

4.

Фортепьянным звукам раскатиться, выпростать
Слёзной щедрости мелодию, дремотою
Наполняя вечный вечер, ветер... Вы просто
Насладитесь звуконосностью! Работаю:

Звукопас, носильщик гуда, гула, рокота,
Золотых трезвонов, зова одиозного, —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.